

В конце концов, она не была безрассудной. Я с улыбкой ответил:

— Я пришёл к тебе исключительно по своей воле. Но думала ли матушка о твоём отце — не знаю.

Дугу Шао тихо усмехнулась и покачала головой:

— Эрнян, ты мастер красивых слов. Говоришь о разделении общественного и личного, а на деле личное — всегда общественное, а общественное всегда — от личного.

Я сказал:

— Разделение общественного и личного не значит, что их нельзя совместить. Как друг, я тоже надеюсь, что ты добьёшься своего. Не только в деле с Цуй Второй.

Она глубоко посмотрела на меня.

Авторское примечание:

Возвращаясь в город, я заночевал дома, чтобы разобраться с накопившимися делами. Благодаря Сун Фою и Лю Хоудэ все финансовые и кадровые вопросы были улажены. Лю Хоудэ даже составил список недавних визитов и подарков, отдельно перечислив тех, кто оставил визитные карточки. Я специально просмотрел имена — знакомых не нашлось. На последнем Внеочередном экзамене был принят один цзиньши по имени Чэнь, прозвищем Цзыан. Матушка уделила ему особое внимание, вызвала вместе с другими отличившимися, лично побеседовала и назначила на должность чжэнцзы в Линтае. Я в то время был в отъезде, не смог присутствовать, а матушка не позволила мне пройти через ведомства, так что мы так и не встретились — очень досадно. Поэтому я ещё раз наказал: если явятся литераторы, принимать с почётом. Лю Хоудэ исполнил это строго: каждый, кто оставил визитку, получил чай, вино, шёлк и деньги.

Домашние дела запутанны, а я боялся, что меня обманут, поэтому проверял всё дотошно, засидевшись далеко за полночь. На следующий день проспал всё утро и лениво поднялся лишь после полудня. Только собрался ехать во дворец, как с порога доложили: брат княгини Лулин, чжуши Каогуна Вэй Цин, просит аудиенции. Я велел задержать экипаж и почтительно пригласил Ушэнжэня в главный зал.

Он явно не ожидал такого приёма. Вошёл смущённым и, увидев меня, низко поклонился. Я поспешил велеть слугам поддержать его:

— Чжуши Вэй — родной брат моей невестки, для меня он как старший брат. Если не возражаете, будем обращаться как родные.

Я также велел убрать ширмы, чтобы подчеркнуть семейственность.

В последний раз я видел Ушэнжэня, когда А-Хуань ещё не вышла за Ли Жуя. Тогда он был высоким и крепким, с красивым загаром. Теперь же располнел, обзавёлся бородой, в осанке появилась чиновничья важность, а юношеская статность поубавилась. К счастью, живот ещё не слишком выдавался, и щёки не обвисли, так что наполовину он ещё мог сойти за красавца. Поговорив со мной немного, он успокоился и почтительно изложил цель визита:

— Всегда был обязан принцессе за заботу, но не успел выразить признательность. Теперь, когда дом устроен и должность утвердилась, осмелился явиться. Привёз немного местного из

округа Тун — лишь знак почтения, ничего стоящего.

С этими словами он подал список подарков.

Я мельком взглянул на список: сморщенные шкуры, мускус и прочее — среди даров округа Тун вещи довольно ценные. Для меня это пустяк, но для него, видно, потребовало немалых усилий. Первой мыслью было его жалование — Ведомство неба почётно, но содержание скудное, а он всего лишь цзюпинь-чжуши, и говорить не о чем. Если будет возможность, надо бы ему немного помочь. Второй мыслью была А-Хуань. На словах она не показывала, но в душе очень тосковала по брату. Пусть даже не смогут встретиться, передать весточку — и то хорошо.

Проникшись этими мыслями, я стал ещё любезнее, ласково расспрашивая Ушэнжэня о домашних делах. У него уже были сын и дочь, оба от госпожи Лу. Говоря о детях, всё лицо его светилось от радости. Он также осведомился о А-Хуань. Услышав о Шоули, он замялся и сказал, что кое-какие безделушки хотел бы передать сестре, не будет ли это для меня обременительно. Я, конечно, согласился. Он велел слуге принести большой ларец. Внутри — всякие мелочи для детей, местные гостинцы из Западной столицы и округа Тун, шпильки да кольца. Стоимость невелика, но каждая вещь подобрана с тщанием — видно, старался. Я принял вещи с должной серьёзностью и сказал ему:

— Мы в одной столице. Надеюсь, старший брат не поскупится на визиты.

Лично проводил его до средних ворот и дополнительно наказал привратникам: если придёт Вэй Цин, немедленно докладывать; если меня не будет — пусть примет управитель. После чего отправился во дворец, захватив вещи от Ушэнжэня.

С начала года матушка была необычайно занята. После полудня либо совещалась с сановниками, либо слушала лекции по канонам. Хотя больше всего было буддийских сутр, даосских и конфуцианских трактатов тоже хватало. Я думал, при такой занятости она вряд ли заметит мою отлучку из дворца. Но едва я вошёл, как она вызвала меня, расспросила мимоходом о ценах и настроениях в народе, а затем неспешно спросила:

— Дугу Юанькан ещё в добром здравии?

Я ответил:

— Луонань-гуна не застал — уехал за город к друзьям. Но, по словам Дугу Шао, ещё может охотиться на оленей верхом, съесть за раз три блюда мяса и выпить два цзиня вина. Должно быть, всё в порядке.

Матушка слегка кивнула, прищурившись:

— Дугу Юанькан вышел в отставку позапрошлый год?

Ваньэр естественным тоном добавила:

— Ушёл в отставку в год жэньшэнь. Сказал, что страна в мире, старому генералу негоже мешаться. Тогда Луонань-гуну было шестьдесят три, в этом году должно быть шестьдесят девять.

На лице матушки мелькнуло что-то вроде зависти. Она тихо усмехнулась:

— В шестьдесят девять лет ещё охотится — редкость.

Я ухмыльнулся:

— Матушка сама о себе заботится. Не то что в шестьдесят девять — в семьдесят девять, восемьдесят девять лет сможет натягивать лук, бить оленей и радовать сердца подданных.

Лесть, видимо, вышла слишком явной. Матушка бросила на меня взгляд, но не ответила. Подергав большим и указательным пальцами, она словно про себя промолвила:

— Как насчёт назначить Луонань-цзюнь-гуна Дугу Юанькана цзо инъян да цзянцзюнем и да цзунгуанем провинции Хэбэй? Что скажете?

Я и Ваньэр переглянулись. В глазах у обоих читалось изумление. Мы почти одновременно поклонились:

— Военные и государственные дела — не наш удел. Не смеем высказываться.

Матушка мягко усмехнулась:

— Я же не говорю, что сразу так и сделаю. Просто выскажитесь — и что?

Ваньэр взглянула на меня. Я поспешно сказал:

— Если матушка спрашивает о налогах, экзаменах и прочем, я в последнее время кое-что изучал и могу рассуждать. Но военное дело — для меня тёмный лес. Не смею судить.

До сих пор я лишь заучил наизусть все воинские звания, слегка ознакомился с происхождением и биографиями нескольких известных генералов. Больше же ничего. Заставить меня рассуждать о военном деле — хоть слово выжми. Ваньэр хоть и умна, в этих вопросах, наверное, тоже не сильна. Иначе, уча меня столько времени, хоть что-то да упомянула бы. И действительно, когда матушка посмотрела на неё, та уже склонила голову, низко поклонившись:

— Я тоже не разбираюсь.

Матушка слегка разочарованно вздохнула и с упрёком сказала мне:

— Обычно ты всё твердишь, что женщины ничуть не уступают мужчинам. А как доходит до дела, некоторые вещи всё же приходится спрашивать у мужчин.

У меня в груди защемило. Я тут же собрался возразить, но, открыв рот, понял — возражать нечем. В нынешние времена, не говоря уж о таких знаменитых полководцах, как Хэчи Чанчжи, Чэн Утин или Лю Жэньгуй, даже Лю Ичжи, Пэй Янь и прочие могут толково рассказать о том, как вести войска, как использовать командиров, как размещать гарнизоны, о снабжении провиантом, фуражом, боевом духе и городских укреплениях. Но спроси об этом любую женщину — даже такую одарённую, как Дугу Шао или Цуй Мин-дэ, — и они в лучшем случае ответят смутно, а на практике и вовсе мало что смогут. Однако винить в этом женщин нельзя. Всему нужен опыт. Такие, как Лю Жэньгуй, — старшие командиры с многолетним стажем, воевавшие и на юге, и на севере. Лю Ичжи, Пэй Янь и другие, хоть и помоложе, тоже два-три десятка лет вертелись в высших эшелонах власти. Сравнивать их с нынешними женщинами, у которых даже нет права учиться наравне с мужчинами, — обидно и для тех, и для других.

Матушка не стала вникать в мои думы. Немного подумав, она велела позвать Цуй Цзяо, Лю Ичжи и Вэй Сыцяня. Я понял, что она собирается совещаться, и, недовольный, вышел. Всё

хорошее настроение от возвращения во дворец как рукой сняло. Побрел к А-Хуань, постукивая каблуками. Застал её как раз возвращающейся. Спросил, где была. А она брови подняла, уголки губ задорно взметнулись:

— Угадай.

Я сказал:

— Далана с собой не брала — значит, не в саду гуляла. Наверное, учила каноны или на лекции ходила?

Она улыбнулась, покачав головой:

— Ещё.

Не угадал. Пошёл с ней рядом в покои, обнял за плечи:

— Хорошая невестка, скажи же.

Она оттолкнула меня:

— Даже угадывать не хочешь. Лентяйка!

Я рассмеялся:

— Лентяйка, так лентяйка. Неужели из-за этого невестка не скажет?

<http://bllate.org/book/16278/1467305>